

З А С Т Е Н Ч И В Ы Е С Т А Р И Ч К И, ИЛИ СОН ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АКАДЕМИИ БЕССМЕРТНЫХ

Обновление старинных „марксистских“ икон. — Редакция ЧУДАКА разоблачает тайну своего сотрудника.

Академическое опоздание испокон веков равнялось двадцати минутам. Академия Бессмертных, борясь с вековой рутинной, расширила это время до часа 20 минут. С таким именно опозданием началось историческое заседание Бессмертных, посвященное рассмотрению собственных мерзостей.

В зале уселись по фракциям: слева — тощие аспиранты, справа — упитанные идеалисты, посредине — многочисленные авторы идеологических предисловий к романам Оливии Уэдсли. В углу тихо стоял единственный марксист Академии — старый бронзовый Карл Маркс.

Не прибегая к нудной деремонии баллотировки, президент назначил одного из присутствующих председателем. Совершив это усилие, президент изнемог и до конца заседания не проронил ни звука. Вот пример для многих других президентов, для болтуна Гувера, забили Думерга!

Так как время было уже обеденное, заседание началось сразу с чтения резолюций. Резолюция была написана в духе беспощадной самокритики и началась звучным перечислением собственных заслуг.

„Академией проделана большая работа по собиранию и сложению вокруг нее крупнейших специалистов и научно-художественных деятелей“.

Идеалисты кокетливо опустили глаза.

„Среди изданных Академией трудов ее работников имеются труды крупного научного значения“, — нерешительно пробормотал докладчик.

Во втором ряду смущенно захихикал автор злободневного исследования „О лице Владимирской богородицы“.

— Захвалили старичка, захвалили, — застенчиво бормотал он и жеманно отмахивался ручкой.

Чтение резолюции, составленной по испытанной формуле „У нас есть достижения, но у нас есть и недочеты“, вскоре было закончено.

— Кто же хочет высказаться? — надрылся председатель.

Во втором ряду поднялся застенчивый старичок. Он произнес отличную речь, изредка только, должно быть с неприявками, запинаясь перед словом „товарищи“. После некоторых попыток преодолеть диковинное слово старичок бросил эту непосильную работу.

— Я не возражаю против введения марксистского руководства в Академию, — сказал он с той восхитительной широтой натуры, которая недавно обеспечила ему почетное место в Парижском сборнике эмигрантов.

— Но я не считаю, чтобы марксистское руководство было необходимо во всех отделах и секциях Академии, Я думаю, что марксистов просто нехватит, — продолжал старичок, искусно намекая, что его, старичка, хватит на все отделы. — Еще я не понимаю, — сказал он, — что значит пункт: „пересмотреть личный состав и произвести перегруппировку“? Чистка это значит? Чистка, чистка? — закричал он, волнуясь.

Кругом его успокаивали:

— Вам хорошо, — горячился старичок, — а меня самого только на днях вычистили из РАНИОН-а и ВХУТЕИН-а. Одним Госторгом держусь, где я с Грабарем консультирую экспорт старинных икон, одним Госторгом держусь! — всхлипывая, повторял он.

Постепенно полемический задор охватил ряды Бессмертных.

Завязалась жаркая дискуссия о том, надо ли в пункт 5-ый раздела 2-го резолюции вставлять союз „и“.

Горячую речь в защиту „и“ произнес академик, столь густо обросший волосами, что в любой момент он мог бы занять штатное место в музее народоведения в качестве дикого человека с острова Фиджи, питающегося сырым мясом на глазах почтенной публики.

— От имени комитета по изучению художественных обложек для стирочного мыла, — сказал дикий человек, — я заявляю, что мы против „и“.

— Позвольте, — перебил его сосед, — комитет вас не уполномочивал на такие заявления.

— А не уполномочивал, так и не надо, — хладнокровно заявил сосед и сел.

В это время в зал шумно вбежал новый бессмертный. Это был крупный бессмертный. Это был безусловный самый крупный из всех современных исследователей литературы. Даже на взгяи профана в нем было весу не менее 5 пудов.

— Граждане, — хлопотливо заговорил он, — мое выступление на прошлом заседании могло дать повод подумать, что я против чего-то. Граждане, категорически заявляю с полной ответственностью за свои слова, что я не против чего-то.

Сделав это потрясающее признание, он продолжал:

— Граждане, я что-то придумал. Все газеты лопнут от злости. Я придумал, чтобы Академия выпустила декларацию о том, что она с удовольствием пойдет навстречу интересам широких масс.

И он сделал волнообразный жест рукой, долженствовавший изобразить галантное движение Академии навстречу широким массам.

Но собрание с презрением отвергло это предложение.

— Голосую резолюцию, — заревел председатель, — кто за? Большинство. Кто против? Никто. Кто воздержался?

Пять бессмертных, ехидно «зираясь, подняли склеротические рученки.

В зале наступило смятение. Вождь идеалистов, огромный и неподвижный, как неудачный памятник на собственной могиле, с воинственным криком занес над черепом председателя «Книгу ликований» Акима Волынского в 3-м издании с 60-ю иллюстрациями.

Застенчивый старичок ловко метал аспирантов фальшивыми старинными иконами, которых оказалось необыкновенное множество в его объемистых карманах. Противники «и» душили защитников «и».

Авторы идеологических предисловий к романам Оливии Уэдсли, рассыпавшись по залу, поспешно свинчивали бронзовые части с подсвечников, приговаривая: «В эпоху мелкотоварных отношений все пригодится».

Президент открыл правый глаз и, удостоверившись, что все в порядке, снова закрыл его.

Заседание бессмертных продолжалось.

Л. Славин

От редакции. — По странной забывчивости автор не указал точного адреса учреждения, в котором происходило описанное им заседание. Можно догадываться, что речь идет о Государственной Академии Художественных Наук, руководимой президентом П. Коганом и содержащей в своем составе блестящие имена — знатока иконописи пр. Анисимова, искусствоведа Кондратьева, исследователя литературы Шелкунова, философа Шпета и многих других.

Означенное упущение поставлено автору на вид.

